

Память о Первой мировой войне в Федеративной Республике Германии*

Н. Н. Баранов

доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; заведующий кафедрой новой и новейшей истории департамента «Исторический факультет», Уральский гуманитарный институт. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: baranov61@mail.ru

Аннотация. Проблематика исторической памяти и политики памяти, становления и эволюции мемориальной культуры приобрела актуальность в контексте «мнемонического поворота» в историографии, начавшегося в 1980-е гг. и продолжающегося по настоящее время. События Первой мировой войны и ее последствия занимали центральное место в сложном и конфликтном политическом дискурсе Веймарской республики, служили важным элементом исторической политики Третьего рейха. После 1945 г. память о Первой мировой войне была вытеснена на периферию общественного сознания, сохранялась в коммуникативных практиках и ритуалах малых групп. Ветераны той войны имели крайне незначительную поддержку со стороны государства. Однако по мере восстановления формально равноправных позиций Западной Германии в евроатлантическом сообществе обращение к опыту 1914–1918 гг. стало активно использоваться в публичной политике памяти для преодоления травмы «коричневого тринадцатилетия» в контексте единства и преемственности общей истории европейских стран и народов с их общими жертвами и трагедией. Закономерно, что наибольшей интенсивности такая практика достигла в 2014–2018 гг., когда отмечалось столетие Великой войны.

Ключевые слова: Германия, Первая мировая война, историческая память, мемориальная традиция, историческая политика.

После 1945 г. Первая мировая война, казалось, надолго должна была уйти «в тень» исторической памяти немцев. Ее героический нарратив активно использовался национал-социалистическим режимом для собственной легитимации, утверждения идеологии крайнего национализма и обоснования агрессивной внешней политики. Крах режима, неизбежное поражение в развязанной гитлеровцами Второй мировой войне, борьба за выживание после «часа ноль», временная утрата суверенитета, раскол государства в условиях начавшейся «холодной войны» привели к тому, что прежний величественный образ Первой мировой был дискредитирован и казался не заслуживающим доверия. Многие ветераны Первой мировой, ставшие видными военачальниками в годы Второй мировой войны, после 1945 г. были осуждены правосудием победителей как военные преступники. Символические места памяти либо были стерты с лица земли, как Танненбергский мемориал, либо получили принципиально новую идеологическую нагрузку, как «Нойе Вахе» в Восточном Берлине – столице ГДР. Отмечавшийся регулярно с 1926 г. по всей стране во второе воскресенье Великого поста Всенародный день скорби, переименованный нацистами в День памяти героев, в 1948 г. вновь обрел свое прежнее название, но был посвящен уже жертвам обеих мировых войн. Исследования по истории 1914–1918 гг. на некоторое время практически прекратились, а первый серьезный труд, посвященный причинам войны и агрессивным планам кайзеровского рейха – монография Ф. Фишера, вышедшая в 1961 г., спровоцировал острую общественную дискуссию на грани политического скандала [1].

В то же время память о Первой мировой войне пусть и была оттеснена на задний план, тем не менее никогда не подвергалась полному забвению. Более того, в период «консервативного господства» эры Аденауэра (1949–1963 гг.) она зачастую выступала в качестве по-

лезного элемента при конструировании новой официальной политической культуры Западной Германии. Во внешней политике Бонн стремился постоянно подчеркивать верность курсу евроатлантической солидарности. На этом пути формирование общей памяти-скорби о Великой войне могло способствовать сближению новых партнеров. Во внутренней политике преодоление травматичного опыта «коричневого тринадцатилетия» предполагало его скорейшее вытеснение из коллективной памяти. При этом стратегии коллективного замалчивания и забвения не могли быть достаточно эффективными, особенно в среде современников и участников недавних событий. Поэтому нацистская диктатура и связанные с ней преступления были объявлены «дьявольским наущением», трагическим иррациональным провалом в «нормальной» истории Германии. Отсюда закономерно вытекало стремление подчеркнуть преемственность традиционных политических и нравственных ценностей, присущих немцам «до» и «после» Гитлера. К ним относились, среди прочих, качества, которые были присущи вооруженным силам – патриотизм, верность долгу, воинская доблесть, готовность к самопожертвованию. Все они с точки зрения консервативных политиков в полной мере проявились в 1914–1918 гг. С учетом того, что вермахт и после 1945 г. был освобожден от стигмы преступной организации, армия оказалась единственной структурой, символизирующей историческую преемственность.

В этой связи символическая и социальная функции государства – регламентирование наград и забота о ветеранах – становились фактически составной частью официальной политики памяти. В 1957 г. бундестагом был принят закон о титулах, орденах и почетных знаках, который разрешал ношение наград периода кайзеровской империи и согласно § 11 предполагал выдачу регулярного денежного вознаграждения за них [14]. Вслед за этим федеральное правительство подтвердило, что берет на себя обязательства имперского правительства, и установило вознаграждение в размере 25 марок ежемесячно кавалерам 14 германских орденов и медалей и двух наград империи Габсбургов. В Пруссии это были учрежденный Фридрихом II в 1740 г. для офицеров высший орден *Pour le Mérite* («За заслуги»), Золотой крест за военные заслуги для рядовых и унтер-офицеров (1864 г.) и крест кавалеров ордена дома Гогенцоллернов с мечами (1851 г.); в Баварии – Военный орден Максимилиана Иосифа (1806 г.), военно-медицинский орден (1914 г.) и медаль за храбрость (1794 г.); в Саксонии – Военный орден Святого Генриха и золотая медаль к нему (1736 г.); в Вюртемберге – Орден «За военные заслуги» (1759 г.) и одноименная золотая медаль (1794 г.); в Бадене – Орден Военных заслуг Карла Фридриха и медаль к нему (1807 г.); в Австрии – Военный орден Марии Терезии (1757 г.) и медаль «За храбрость» [16, S. 172–175]. Отметим, что самая массовая награда периода Первой мировой войны – Железный крест, вручавшийся за личную храбрость без различия сословий, чинов и званий, в этот перечень не попала. Железный крест, в отличие от вышеперечисленных, сохранил статус высшего воинского знака отличия в Третьем рейхе и прочно ассоциировался с гитлеровским режимом. После войны его разрешалось носить при условии удаления свастики, но вознаграждение, что было прежде, уже не полагалось. Многие годы сумма выплат за награды не пересматривалась. Депутаты бундестага от фракции христианских демократов и федеральное министерство внутренних дел неоднократно ставили вопрос о необходимости ее увеличения с учетом инфляции. Однако эти инициативы натывались на сопротивление министерства финансов. Только с формированием социал-либерального правительства дело сдвинулось с мертвой точки. В январе 1974 г. министерство финансов объявило, что не будет возражать против увеличения суммы до 40 марок в месяц. 21–22 мая 1974 г. в Трире состоялась 46-я конференция земельных министров труда и социальных дел, где было принято решение «просить федерального министра труда и социальных отношений в сотрудничестве с действующим федеральным министром внутренних дел обеспечить в соответствии с разделом 11 Закона от 26 июля 1957 г. повышение вознаграждения, положенного обладателям высших наград за храбрость в годы Первой мировой войны, с 25 до 50 немецких марок» [5]. В пояснительной записке на имя министра внутренних дел от 10 июля 1974 г. сообщалось, что «в настоящее время все еще имеют право на вознаграждение приблизительно 1500 человек. Каждому из них не менее 74 лет» [5]. Здесь содержался прозрачный намек на то, что сумма выплат окажется не слишком обременительной для бюджета, да еще и с каждым годом будет уменьшаться. Так и случилось. Последним бенефициаром оказался Эрнст Юнгер, кавалер высшего ордена Пруссии «За заслуги», которым он был награжден 22 сентября 1918 г. Юнгер скончался в 1998 г. в возрасте 102 лет. После этого § 11 из закона о титулах, орденах и почетных знаках был исключен.

Положение ветеранских организаций в контексте политики памяти о мировых войнах в Боннской республике было весьма противоречивым. Оккупационная политика держав-победительниц в отношении побежденной Германии, выработанная на конференциях Большой тройки в Ялте и Потсдаме, предполагала процесс денацификации и демилитаризации. Верховная власть в стране передавалась союзному контрольному совету, который 25 февраля 1947 г. принял Закон № 46, ликвидировавший государство Пруссия как очаг германского милитаризма [2, с. 262]. Даже в условиях начавшейся холодной войны и раскола Германии союзная Высокая комиссия трех западных держав приняла 16 декабря 1949 г. Закон № 16 о недопущении милитаризма [13]. Статья 9 п. 2 Основного закона ФРГ, принятого 23 мая 1949 г. и действующего по сей день, гласит: «Запрещаются объединения, цели или деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или против идеи взаимопонимания народов» [3, с. 69]. Однако эти запреты формально не распространялись на ветеранские объединения, продолжавшие традиции старых воинских формирований, которые участвовали в Первой мировой войне и продолжали существовать в составе «чистого» вермахта до самого конца Второй мировой войны. Сложнее дело обстояло с теми организациями, которые, несмотря на свои декларации о надпартийности, после Первой мировой занимали крайне консервативные политические позиции и способствовали установлению гитлеровского режима и сотрудничали с ним. В первую очередь это касалось организации «Стальной шлем», воссозданной в 1951 г. в Кельне. Вскоре ее президентом стал ветеран двух мировых войн генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг. В 1947 г. британский трибунал приговорил его за совершенные в Италии военные преступления к расстрелу, который был заменен на пожизненное заключение. Однако в 1952 г. Кессельринг был помилован. По его инициативе 12 июля 1953 г. было принято Гисенское воззвание «Стального шлема», где декларировалась верность конституции и законам государства, но в то же время звучал консервативно-идеалистический призыв: «Солдатская этика включает в себя мужество и храбрость, безусловную верность, лояльность, добросовестность и выполнение долга перед обществом, честность, порядочность и готовность помочь всем людям. Все это чуждо материалистам. Если мы хотим преодолеть наступившие ныне материалистические времена, мы должны еще раз принять старые, но вечные солдатские ценности, действительно фанатично бороться за них. С этими знаниями, которые становятся предупреждением и требованием, «Стальной шлем» обращается к своим товарищам и немецкой молодежи в память о гибели сотен тысяч жертв» [4].

Вскоре Баварское министерство внутренних дел, которое квалифицировало «Стальной шлем» как парамилитаристскую организацию, подпадающую под действие формально не отмененного закона № 16 союзной Высокой комиссии, издало распоряжение не регистрировать местные отделения организации, что означало фактический запрет их деятельности. Эта инициатива вызвала обширную межведомственную дискуссию, продолжавшуюся до конца 1950-х гг. В ней приняли участие федеральный министр внутренних дел Герхард Шредер, федеральный министр по особым поручениям Франц Йозеф Штраус, ведомство по охране конституции и ведомство федерального канцлера. В результате было высказано согласованное мнение, что пока не принято соответствующее судебное решение, нет оснований считать деятельность «Стального шлема» противоречащей законодательству. Члены организации могли свободно носить традиционные знаки цветов старого имперского флага – черно-бело-красного. 9 ноября 1955 г. Кессельринг обратился с письмом к федеральному канцлеру Аденауэру, в котором указал: «Федеральный министр внутренних дел по случаю «большого вопроса» Социал-демократической партии Германии в Бундестаге 30 сентября 1955 г. заявил, что, несмотря на тщательные наблюдения за деятельностью организации, не было никаких возражений против ее отношения к государству и конституции, а также о том, что политические условия в период с 1918 по 1932 гг. были совершенно иными по сравнению с нынешними, и не может быть и речи о том, чтобы подвергать опасности демократическое государство. В личной беседе я сам недвусмысленно заявил федеральному министру внутренних дел, что «Стальной шлем», пока я имею честь возглавлять его, не откажется от своего лояльного отношения к государству и конституции» [4]. В то же время левые политические силы ФРГ заняли по отношению к организации резко критическую позицию. Социал-демократическая *Vorwärts* писала: «При Кессельринге «Стальной шлем» несет тот же дух, что и в 1930-х – с фронтовым приветствием «хайль!» снова против левых» [19]. Однако А. Кессельринг, который безусловно имел лидерские качества и пользовался высоким авторитетом среди ветеранов, скончался в 1960 г., после чего «Стальной шлем» откатился на маргинальные позиции.

Своеобразным инструментом политики памяти властей и ветеранских организаций ФРГ стали знамена Танненберга – символы боевых частей, которые в конце августа 1914 г. остановили наступление русских войск и нанесли поражение армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Они использовались не только для поддержания воинских традиций, обоснования исторической преемственности между армией германской империи и вновь созданным бундесвером, но и символизировали реваншистские тенденции.

По инициативе ветеранских организаций в одной из шести башен танненбергского мемориала были размещены точные копии 52 полковых знамен. Накануне запланированного подрыва мемориала в связи с приближением советских войск в январе 1945 г. знамена вместе с прахом Гинденбурга и его супруги были перенесены в церковь св. Елизаветы в Марбурге, а затем укрыты в соляной шахте в Тюрингии, где были захвачены американцами и позже переданы правительству земли Гессен. В основном это были знамена полков, традиционно комплектовавшихся из жителей Восточной Пруссии. К ним относились такие именитые части, как 1-й гренадерский полк кронпринца, 4-й гренадерский полк короля Фридриха Великого, 10-й драгунский полк короля Альберта Саксонского и другие. В августе 1961 г. знамена Танненберга были переданы в распоряжение министерства обороны. Для воспитания военно-служащих бундесвера в духе армейских традиций знамена были распределены между военно-учебными заведениями и другими учреждениями – академией бундесвера в Гамбурге, офицерской школой в Ганновере, школой внутреннего руководства в Кобленце, саперной и военно-строительной школой в Мюнхене, военно-историческим музеем в Раштатте и другими. В ходе церемонии вручения пяти знамен военному училищу в Хаммельбурге один из офицеров заявил: «Мы не хотим придавать политический акцент этим символам... но Танненберг навсегда останется высшей точкой немецкого солдатского духа, и мы имеем все основания гордиться солдатами Первой мировой войны» [17].

Практически одновременно старый университетский город Геттинген стал центром активности ветеранов – вынужденных переселенцев из Восточной Пруссии. В рамках празднования 1000-летнего юбилея города в 1953 г. они организовали памятное мероприятие в честь подразделений старой армии, которые формировались на территории Восточно-Прусского военного округа и уже тогда стремились отыскать знамена этих частей. В дальнейшем эта торжественная церемония с возложением множества венков к военному мемориалу и с участием подразделений бундесвера стала проводиться ежегодно в первое воскресенье сентября. С сентября 1961 г. военное ведомство стало предоставлять ряд флагов для церемонии в Геттингене в соответствии с запросами соответствующих полковых ветеранских объединений. Постоянным координатором их деятельности долгие годы был полковник в отставке, председатель союза ветеранов 1 гренадерского полка граф К. Е. Ойленбург. В сентябре 1969 г. после окончания церемонии произошел досадный случай – при транспортировке в кузове армейского грузовика оторвались две знаменные ленты, и только через два месяца после обширной переписки удалось установить, к каким знаменам они относились [11]. После этого казуса министерство обороны прекратило прежнюю практику. В 1983 г. организаторы торжеств в Геттингене проявили особую настойчивость с просьбой о предоставлении танненбергских знамен, мотивируя ее среди прочего тем, что 30-е юбилейное мероприятие примет международный характер с участием представителей ветеранских союзов Франции, Бельгии, Голландии и Великобритании. Но и тогда они получили отказ со ссылкой на то, что ветхость знамен требует особо бережного обращения, а их реставрация обходится весьма дорого. Письмо из ведомства парламентского госсекретаря министерства обороны от 27 мая 1983 г. извещало, что «часть знамен была отреставрирована в 1962 г. на сумму 2118 марок в ценах того времени. Сегодня реставрация одного знамени стоит от 3000 до 5000 марок, в то время как на все такие нужды ежегодно выделяется не более 10 тыс. марок» [11]. Косвенно это свидетельствовало о нежелании властей демонстрировать открытую поддержку вынужденным переселенцам из Восточной Пруссии после официального признания ФРГ нерушимости послевоенных границ.

Политика памяти в послевоенной Германии пережила непростую эволюцию от признания непреходящей ценности национальных воинских традиций к восприятию ценностей западной демократии. Наглядным подтверждением этому стала история, связанная с именованьем и переименованием структур бундесвера в честь тех выдающихся военных, кто прошел Первую мировую войну. Нами было выявлено 24 таких объекта. С начала 60-х гг. и по сей день носят имена «рыцарей неба» – летчиков-асов, погибших в Первую мировую войну, три под-

разделения военно-воздушных сил – 31-я эскадра им. Освальда Бельке, 51-я им. Макса Иммельмана и 71-я им. Манфреда фон Рихтгофена. Сохраняют свои названия казармы, что получили имена тех ветеранов Первой мировой, кто продолжил службу в вермахте, но участвовал в знаменитом заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. или сочувствовал ему. Это фельдмаршал Эрвин Роммель, генералы Людвиг Бек, Хеннинг фон Тресков и другие. 20 марта 1987 г. впервые в истории бундесвера в торжественной обстановке казармам санитарного батальона в Хильдесхайме было присвоено имя военного врача, начальника полевого госпиталя в годы Первой мировой войны Юлиуса Шепса. Тем самым руководство бундесвера отдавало должное всем фронтовикам еврейского происхождения [10]. В других случаях историческое значение некоторых персон подвергалось переоценке с соответствующими оргвыводами. Этот процесс начался в 90-е гг. XX в., когда из казарм в Гамбурге убрали имена непобедимого командующего в германской Восточной Африке Пауля фон Леттов-Форбека и активного участника боевых действий 1918–1919 гг. в Прибалтике генерала Рюдигера фон дер Гольца, а из казарм горных егерей в Фюссене – их бывшего командующего Эдуарда Дитля. Но особую интенсивность «чистка» официальной памяти в бундесвере приобрела, когда на должность министра обороны (2013–2019 гг.) впервые была назначена женщина – Урсула фон дер Ляйен. В 2013 г. из бундесвера убрали память о генерале Вернере фон Фриче. В трех случаях в Бонне, Фрайбурге и Хильдесхайме были закрыты казармы, ранее названные в честь выдающегося военачальника Первой мировой войны Макса фон Гальвица. А в Ахене 21 января 2014 г. казарма, ранее носившая его имя, была названа в честь Лео Левенштейна, выдающегося химика, основавшего в 1919 г. союз евреев-фронтовиков и пережившего заключение в концлагере. В 2015 г. с казарм в Карлсруэ было снято имя убежденного сторонника национал-социализма генерала Фридриха Фанерта, а в 2017 г. с казарм в городе Штадум – его коллеги Германа фон Лит-Томсена, одного из создателей гитлеровских люфтваффе. 28 марта 2018 г. казармы в Ганновере имени прусского генерала Отто фон Эммиха впервые получили имя военнослужащего бундесвера – Тобиаса Лагенштейна, погибшего в Афганистане. Таким образом руководство бундесвера продемонстрировало стремление к решительному разрыву не только с вермахтом, но и с более глубокими милитаристскими традициями периода Первой мировой войны.

Так же, как в Германии, во Франции, которая не без труда заняла свое место среди держав-победительниц после 1945 г., память о Первой мировой войне поначалу утратила свою прежнюю функцию, направленную на примирение политических, социальных и идеологических противоречий. Причины этого были очевидны – неожиданно быстрое поражение в 1940 г. и превращение героя Первой мировой войны «Верденского льва» маршала Петена в пособника Германии. В итоге Первая мировая война изначально отошла далеко на задний план в качестве историко-политического ориентира и в качестве темы исследований [18, р. 15]. Однако эта очевидно временная и неполная амнезия парадоксальным образом способствовала тому, что Первая мировая война стала центральной темой двусторонней общей политики памяти Германии и Франции в процессе их взаимного отказа от прошлой вражды, примирения, установления партнерских и союзнических отношений, превращения «оси Берлин-Париж» в стержень европейской интеграции.

22 января 1963 г. в Елисейском дворце президентом Шарлем Де Голлем и канцлером Конрадом Аденауэром был подписан исторический Договор о франко-германском сотрудничестве. А в 50-летнюю годовщину начала Первой мировой войны 2 сентября 1964 г. в эфир по обе стороны Рейна вышел первый совместный телефильм «La Grande Guerre/1914–1918/Der Erste Weltkrieg». Основу фильма составили кино- и фотодокументы из архивов двух стран, отобранные французскими и немецкими историками под началом Марка Ферро. Бывшим наследственным врагам впервые удалось создать общее видение событий войны и преодолеть старые стереотипы о противнике. Фильм получил хорошие отзывы, но позднее это знаковое бинациональное телевизионное событие было забыто. Вероятно, это было связано с еще незначительной тогда телевизионной аудиторией и отчасти компиляционным характером фильма. Однако он приобрел определенное культурно-историческое значение и стал первым примером плодотворного взаимодействия историков и телевизионщиков в международном масштабе.

Совместная «проработка прошлого», формирование новых коммеморативных практик в значительной степени зависели от характера взаимоотношений лидеров двух стран и позиций причастных к этому процессу государственных и общественных структур. В отличие от Аденауэра и де Голля контакты между канцлером социал-демократом Вилли Брандтом и пре-

зидентом голлистом Жоржем Помпиду оставались довольно прохладными. В результате не получили развития некоторые инициативы, исходившие от самих ветеранов.

Так, 25 января 1972 г. на имя министра обороны ФРГ Гельмута Шмидта поступило письмо полковника в отставке фон Доната с предложением участия в совместном мемориальном мероприятии следующего содержания: «Каждый год в первое воскресенье июля в Аргоннах проводится памятная церемония, посвященная погибшим в 1914–18 гг., на которую в течение нескольких лет также приглашаются немцы. 5-й и 6-й силезские егерские батальоны были развернуты в Аргоннах с сентября 1914 г., понесли там самые тяжелые потери и всегда были широко представлены делегациями. В прошлом году торжественное открытие памятного креста, возведенного немецкими саперами, стало особенно выразительным проявлением примирения и дружбы. Однако песня о хорошем товарище из горла 75–80-летних ветеранов звучала несколько глухо. Поэтому для усиления эффекта я предложил председателю оргкомитета церемонии дивизионному генералу Руайе направить запрос на участие делегации 5-й роты 12 мотопехотного батальона, дислоцированного в Остероде, наследника традиций 5-го и 6-го егерских батальонов. Делегация должна состоять из одного офицера, двух унтер-офицеров и двух или лучше четырех горнистов. Они должны будут исполнить песню «Хороший товарищ», сигнал «Халали» и сигнал «Охота окончена», который всегда звучал в честь погибших офицеров-егерей, а также, по просьбе генерала Руайе, сигнал *Aux Morts* в память о павших французах. Поскольку ряды немецких ветеранов постоянно редеют, мы были бы очень признательны, если бы вы, дорогой господин министр, поддержали старых немецких аргоннских бойцов, одобрив отправку делегации традиционной роты бундесвера» [8].

Видимо, проситель получил из военного ведомства формальный и отрицательный ответ, так как через месяц, 26 февраля, отправил очередное письмо с отчетливым выражением недовольства: «Пожалуйста, доложите министру Шмидту, что я не могу понять, почему бундесвер не может участвовать в памятном мероприятии в Аргоннах “по принципиальным соображениям и из-за необходимости бережного использования финансовых средств, которые должны расходоваться прежде всего на обучение войск”... В конце концов, в 1914–18 гг. в Аргоннах погибли 29 000 хороших немецких солдат. Как им благодарна родина, видно из вашего письма. Я не могу представить, чтобы немцев, потерявших близких в двух мировых войнах, устроила бережливость такого рода» [8]. 17 марта фон Донату сообщили, что о его просьбе был проинформирован германский военный атташе в Париже.

10 апреля 1972 г. известный французский политик, генерал в отставке Поль Штелин, в 1936–39 гг. военно-воздушный атташе в Берлине, направил Шмидту послание в поддержку инициативы фон Доната. В нем он, в частности, писал: «Я знаю, что вы не поддерживаете отправку такой делегации бундесвера. Я также далек от того, чтобы повлиять на вас каким-либо образом при принятии решения. Однако, как друг доброго полковника фон Доната, который примерно на 15 лет старше меня, и особенно ввиду дружеских и доверительных отношений между Вами и мной, я имею право выразить это общее желание немецких и французских ветеранов, сегодня объединенных взаимным уважением и дружбой. Я думаю, что тем самым выполнил свою миссию» [8]. В министерстве обороны это письмо получило статус высшего приоритета (шифр «красный крест»). Уже 14 апреля Штелина известили письмом, что «министр инициировал экспертизу, по результатам которой вы будете получать дальнейшие известия как можно скорее» [8]. И тем не менее 27 апреля министерством обороны было принято решение отказаться от отправки военнослужащих бундесвера для участия в церемонии и ограничиться присутствием на ней военного атташе в Париже [8]. Таким образом, инициатива частных лиц, пусть и пользующихся определенным авторитетом, не нашла поддержки в военном ведомстве.

Влиятельным общественным организациям, таким как Народный союз по уходу за военными захоронениями, все же удавалось добиться принятия своих предложений. В 1970 г. президентом союза впервые в его истории стал социал-демократ В. Тиле. При нем в деятельности союза проявился отчетливый курс на сохранение памяти о павших как средства примирения и согласия между народами. Союз среди прочего обратился к проблеме эксгумации, опознания и должного захоронения жертв трагедии, произошедшей 20 мая 1917 г. на возвышенности Мон-Корниле вблизи Реймса. В горе, сложенной из мягких пород, в основном известняка, немцы соорудили подземное укрытие из трех параллельных штолен, соединенных переходом. Там размещались солдаты 476 вюртембергского пехотного полка, некоторые другие подразделения и небольшое число раненых военнопленных французов. Французское ко-

мандование оценивало подземное сооружение как укрепленную позицию, которая позволяла немцам контролировать обширную территорию. 20 мая 1917 г. Мон-Корниле был подвергнут обстрелу тяжелой французской артиллерии. 900-килограммовые снаряды завалили выходы из штолен. Все, кто находился внутри, – около 600 человек – погибли – были завалены землей, отравлены пороховыми газами, скончались от удушья.

4 декабря 1973 г. Тиле обратился в министерство обороны с письмом, в котором указывал: «Во время Первой мировой войны, 2 мая¹ 1917 года, туннель в Мон-Корниле, около Реймса, был завален в результате атаки противника. Не только немецкая, но и французская общественность приняла участие в ужасной судьбе пострадавших немецких солдат. Поэтому Народный союз по уходу за военными захоронениями давно пытается открыть галерею с целью достойного места упокоения погибших.

Благодаря поддержке вооруженных сил Германии 17–23 сентября 1973 г. было проведено расследование на месте... Согласно отчетам, поиск погибших не потребует чрезмерных усилий.

Народный союз очень настроен на продолжение работ по вскрытию штолен. Однако он не может выполнить необходимую работу в одиночку. В частности, ему не хватает специалистов. Состоявшиеся недавние изыскания показали, что бундесвер смог внести ценный вклад в этом отношении. Поэтому я очень прошу оказать необходимую помощь... Официальная миссия в рамках франко-германского обмена войсками наилучшим образом будет соответствовать как немецким, так и французским идеям и ожиданиям в отношении работ в туннеле... Родственники погибших, которые еще живы, и их потомки получили бы утешение, если бы их близким после стольких лет наконец-то было предоставлено достойное место погребения» [7].

Ответ министерства, который последовал только 10 января 1974 г., был не слишком обнадеживающим: программа обмена войсками на 1974 г. уже сверстана и по этой линии нет возможности получить поддержку и финансирование; использование ближайшего французского полигона для размещения немецких солдат не запланировано; ответ на запрос о французской спонсорской помощи еще не получен. Единственное, что могло обещать министерство, – при решении прочих проблем предоставить 40 солдат на 4–6 недель в период с мая по июль 1974 г. [7].

Наконец все препятствия были преодолены и 29 мая 1974 г. Народный союз известил министерство, что:

«1. Государственный секретариат Франции по оказанию помощи военным могилам дал свое принципиальное согласие на работы на Мон-Корниле.

2. Народный союз принимает на себя расходы на персонал и топливо. Подробности были обсуждены сегодня с подполковником Кеберлем, заместителем командира учебного саперного полка.

3. На вышеупомянутом совещании было также определено, что рабочая группа полка должна быть размещена в палаточном лагере непосредственно на строительной площадке.

4. Буду очень признателен, если вы организуете возобновление разрешения на въезд. Предполагается, что миссия начнется 1 июля 1974 г. и первоначально запланирована на 4 недели. Однако в качестве меры предосторожности разрешение на въезд должно быть выдано до 9 августа 1974 г.» [7].

Работы начались 2 июля 1974 г. В них принимали участие 40 немецких саперов из учебного полка в Мюнхене при поддержке 10 французов из 33-го саперного полка, дислоцированного в Келе. Французская армия также предоставила транспортные средства и тяжелую технику. Раскопки посещали представители французских ветеранских организаций и военного музея Франции, они широко освещались телевидением и прессой. За несколько недель напряженной работы удалось поднять на поверхность останки более 220 немецких солдат. Позднее агентство Франс Пресс сообщило, что «в субботу 10 августа 1974 г. на Мон Корниле прошла простая церемония в память о солдатах, погибших здесь в мае 1917 г. Президент Народного союза, профессор, доктор Тиле поблагодарил немецких и французских саперов, участвовавших в спасательной кампании, за их образцовую работу. Народный союз расценивает эту совместную акцию как впечатляющее подтверждение своей работы в условиях мира и международного взаимопонимания, которая проводится уже более двух десятилетий под девизом «примирение на могилах» [7]. Работы были продолжены и завершены летом следу-

¹ Очевидная опечатка или ошибка – следует читать «20 мая».

ющего года. Военный атташе Германии в Париже 15 июля 1975 г. сообщал в Бонн: «Немецко-французская команда во главе с подполковником Кеберлем завершила спасательные работы 11 июля 1975 г. В этом году были извлечены 63 тела. К сожалению, в прошлом году никто из военнослужащих не был отмечен по достоинству. Можно сказать, что команда добилась выдающихся достижений и, несомненно, внесла особый вклад во франко-германское понимание. Многочисленные посетители и ветераны Первой мировой войны дали мероприятию положительные отзывы. Должна быть найдена возможность соответствующим образом отметить успехи солдат» [9]. Неизвестно, было ли реализовано предложение военного атташе. Все найденные останки были захоронены на ближайшем немецком военном кладбище Вармевиль (основанном в 1915 г.) среди других трех тысяч погибших. Кладбище, как и многие другие, до сих пор находится под патронажем Народного союза по уходу за военными захоронениями.

Традиция совместного поминовения павших на полях сражений Первой мировой войны главами двух государств сформировалась сравнительно недавно. Еще де Голль и Аденауэр – оба католики, вместе присутствовали на так называемой мессе мира 8 июля 1962 г. в кафедральном соборе Реймса – города, почти полностью разрушенного во время войны. Однако затем в течение более 20 лет подобные мемориальные встречи не проводились. Вновь стремление обратиться к общей памяти о Великой войне как символу примирения и согласия появилось только в начале 80-х гг. XX в., когда президентом Франции стал социалист Ф. Миттеран, а канцлером Германии христианский демократ Г. Коль. Очевидно, возвращение памяти о Первой мировой в символическую повестку встреч на высшем уровне было связано с деятельностью известного консервативного историка М. Штюрмера, который в 1980–1985 гг. занимал пост советника канцлера. Историко-политическая концепция Штюрмера сводилась к необходимости преодоления комплекса вины за «коричневое прошлое» и обоснования равноправного положения Германии среди прочих великих держав. В этом смысле обращение к более отдаленной и уже менее травматичной истории 1914–1918 гг. было важным.

Как канцлер Германии Гельмут Коль посещал Францию десятки раз, однако его самый известный визит к бывшему «наследственному врагу» имел не конкретное политическое или экономическое, а символическое значение. 22 сентября 1984 г. Коль и Миттеран встретились на бывшем поле битвы под Верденом – месте, наполненном исторической символикой, как никакое другое. Именно здесь в 843 г. состоялся раздел империи Карла Великого – событие, которое положило начало многовековому противостоянию между Германией и Францией. Здесь в 1916 г. произошла одна из самых беспощадных битв Первой мировой войны, в которой погибло около полумиллиона человек. Именно под Верденом, где стала очевидна бессмысленность убийственной войны, во время торжественной церемонии перед склепом Дуомон, в котором хранятся останки 130 тысяч неизвестных солдат, двое лидеров государств несколько минут подряд стояли, молча взявшись за руки. Фотография, запечатлевшая этот момент, обошла все мировые средства массовой информации.

Жест был впечатляющим, он означал общее желание изменить символическое значение Вердена от места вражды и трагедии к месту примирения и дружбы. В то же время событие встретило далеко неоднозначные отклики и в ряде случаев было оценено гораздо более критически и негативно, чем хотелось бы двум государственным деятелям. Особенно это было связано с подготовкой визита. Многие задавались вопросом о том, кто был инициатором этой встречи. Корреспондент французской газеты *Le Figaro* сообщил о том, что Коль стремился получить приглашение к участию в праздновании 40-й годовщины высадки союзников в Нормандии 6 июня 1984 г. Миттеран решительно воспротивился этому и в качестве замены предложил встречу в Вердене. Позже советник Миттерана Жак Аттали писал, что просьба о посещении Вердена исходила от Коля. Журнал *Spiegel* с долей сарказма отмечал, что жестом Коль обязан «чувству вины своего партнера в Париже и теперь получил высшую символическую компенсацию» [15]. Однако во всех официальных документах немецкой стороны, посвященных подготовке визита (например, письмо из ведомства федерального канцлера в министерство иностранных дел от 8 июня 1984 г.), указывается, что решение о встрече было принято на основе 43-х германо-французских консультаций в Рамбуйе 28–29 мая 1984 г. [5].

Отмечались также огрехи в планировании встречи. Германский МИД 23 июля 1984 г. с тревогой констатировал, что «французская сторона еще не сделала каких-либо разъяснений по срокам и протоколу вышеуказанного мероприятия» [5]. Французы поначалу предлагали, чтобы в мероприятии приняли участие по 3 тыс. ветеранов и 3 тыс. молодежи с каждой сто-

роны, всего 12 тыс. человек, что было практически нереально осуществить. Впоследствии число участников было сокращено до нескольких сотен. При обсуждении предполагаемого по ходу встречи обмена культурно-историческими ценностями были сделаны предложения, которые с неожиданной стороны показали тесную связь великих войн нового и новейшего времени. По информации ведомства федерального канцлера, «22 августа 1984 г. французский представитель г-н де ла Фортель сделал следующие неофициальные предложения в обмен на возвращение отлитой в XVI в. немецкой пушки Vogel Greiff в город Кобленц:

1. Берлина, которая была отобрана у Наполеона Блюхером в битве при Ватерлоо, а также ордена Наполеона.

2. Мебель императрицы Жозефины, которую Блюхер взял в качестве трофея после ареста императрицы в Мальмезоне.

3. Финансовый вклад в реставрацию памятника и надгробия французского генерала Гоша, расположенного в Вайсентурме на Рейне. Стоимость составляет 500 000 немецких марок. Согласно французскому предложению, федеральное правительство может взять на себя часть (предложение французского посла Моризе).

4. Обмен пушки на знамена не был прямо отклонен, но не рассматривался как равнозначный.

По пунктам 1 и 2 необходимо проверить, находятся ли эти объекты на территории Федеративной Республики Германия и могут ли они быть приобретены федеральным правительством» [5].

Дата 22 сентября 1984 г. не была связана ни с какой знаменательной годовщиной, тем не менее встреча проходила под знаком памяти о начале Первой мировой войны и грядущем через два года 70-летию Верденской битвы. Четырехчасовая программа визита была более чем напряженной. Первая короткая церемония с участием лидеров государств состоялась на немецком военном кладбище Консенвуа к северу от Вердена. Следующую остановку сделали на безымянной высоте 304, за которую в 1916 г. шли ожесточенные бои. Поблизости в Первую мировую воевал отец Миттерана, а в 1940 г. получил ранение сам Миттеран.

Центральным событием организованной встречи было совместное посещение огромного военного кладбища рядом с фортом Дуомон. На церемонии перед оссуарием строго соблюдался церемониал: немецкие и французские солдаты попеременно стояли бок о бок, военный оркестр Франции исполнил гимн Германии, духовой оркестр Германии – «Марсельезу». Единственным отклонением от протокола было рукопожатие политиков. До сих пор остается открытым вопрос, был ли это спонтанный жест, выражение дружбы или хладнокровно заранее рассчитанная политическая инсценировка. Ни Коль, ни Миттеран никогда не давали комментариев по этому поводу.

Так или иначе, первая реакция прессы была критичной. Парижская газета Le Monde указывала, что между немцами и французами было уже слишком много жестов примирения, чтобы Верден мог быть замечен как «поворотный момент в истории отношений... Повторения оставляют нас безразличными к символам» [15]. Возможно, Коль и Миттеран недооценили риск использования исторической символики в качестве политического пиар-хода, когда они пытались следовать примеру легендарного дуэта де Голля и Аденауэра. Однако в долгосрочной перспективе их расчет сработал: критика визита вскоре прекратилась, а послание о примирении и дружбе, выраженное рукопожатием, осталось.

В 1986 г. с 12 по 15 июня широко отмечалось 70-летие Верденской битвы, а 2 июля – 70-летие битвы на Сомме. В обоих случаях участие в торжествах с немецкой стороны приняли не только немногочисленные к тому времени ветераны, но и действующие военнослужащие – оркестр бундсвера и подразделение почетного караула. До этого регулярные памятные мероприятия, посвященные битве на Сомме, проходили без немецкого участия. Кроме того, на кладбище Консенвуа была торжественно открыта мемориальная доска о встрече Коля и Миттерана двумя годами ранее [6].

Фактически лидерами двух стран в 1984 г. была заложена новая коммеморативная традиция, которая в дальнейшем не только воспроизводилась, но и развивалась, прежде всего в стремлении увязать ее с традицией Дня перемирия. Однако и здесь не обходилось без проблем. В 1998 г. канцлер Германии Герхард Шредер отклонил приглашение принять участие в памятных мероприятиях в Париже и в Ипре, посвященных 80-й годовщине окончания Первой мировой войны. Официальное объяснение сводилось к тому, что канцлер занят другими неотложными делами, но выступая во время своего визита в Великобританию, Шредер заявлял:

«Мы должны помнить прошлое, чтобы плохие вещи не повторялись, но продолжать жить прошлым это также ошибка» [12]. Участие Германии было ограничено скромным мероприятием через четыре дня, 15 ноября, в День национальной памяти, когда посол Германии в Париже Питер Хартманн и французский министр по делам ветеранов Жан-Пьер Массаре возложили венки на немецком военном кладбище под Версалем.

С приходом к власти в ФРГ Ангелы Меркель интенсивность коммеморативного взаимодействия резко возросла. В 2009 г. 11 ноября в 11 часов утра Меркель и президент Франции Николя Саркози провели церемонию возложения венка и возжжения вечного огня на могиле Неизвестного солдата у Триумфальной арки в Париже. Меркель стала первой главой правительства Германии, принявшей участие в праздновании Дня перемирия во Франции. В 100-летнюю годовщину Верденской битвы 29 мая 2016 г. Меркель и президент Франции Франсуа Олланд возглавили торжественную памятную церемонию в Дуомоне. Они не ограничились рукопожатием, а заключили друг друга в объятия. В день столетия окончания Первой мировой войны для проведения торжеств было выбрано новое символическое место – Компьен. Впервые в послевоенной истории Меркель и Макрон посетили с возложением венков мемориал, который аккумулировал и для немцев, и для французов самые противоречивые чувства триумфа и трагедии, связанные с подписанием перемирия в 1918 г. и капитуляции в 1940 г.

Наряду с французскими президентами в юбилейных мероприятиях, посвященных Первой мировой войне, принимали активное участие их немецкие коллеги. Президент ФРГ хоть и не обладает реальной политической властью, как канцлер, тем не менее по Основному закону является официальным главой государства и пользуется значительным общественным влиянием. Президенты Йоахим Гаук и Франсуа Олланд 3 августа 2014 г. заложили камень в основание нового совместного музея в Эльзасе на горе Хартманнсвиллеркопф, в боях за которую с 1914 по 1918 гг. погибли около 30 тысяч немецких и французских солдат. Через три года 10 ноября 2017 г. в канун очередного Дня перемирия уже президенты Франк-Вальтер Штайнмайер и Эммануэль Макрон в присутствии многочисленной публики приняли участие в церемонии открытия этого музея.

«Германская катастрофа» 1945 г. привела к тому, что память о Первой мировой войне оказалась маргинализирована, ушла «в тень» общественного сознания. Однако интенсивная евроатлантическая интеграция Западной Германии способствовала инструментализации этой памяти в пространстве публичной политики на основе общих воспоминаний о трагедии и травме 1914–1918 гг., объединяющих народы и страны. Использование памяти о великой войне как средства исторического воспитания военнослужащих бундесвера отличается двойственным характером: с одной стороны, традиционная символика призвана подчеркнуть преемственность славных боевых традиций, с другой – наблюдается целенаправленное стремление к исключению образов и символов, противоречащих концепции вооруженных сил как части демократического государства.

Список литературы

1. Виноградов К. Б. Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 175–179.
2. Закон № 46 о ликвидации Прусского государства // Ведомости Контрольного совета в Германии. 31 марта 1947 г. № 14.
3. Основной закон Федеративной республики Германии (23 мая 1949 г.) // Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. М. : БЕК, 2002. С. 68–113.
4. Bundesarchiv Koblenz. B/106/15454.
5. Bundesarchiv Koblenz. B/136/30067.
6. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BH/1/16031.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73595.
8. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73700.
9. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/102174.
10. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/285340.
11. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/2/32380.
12. Germany declines armistice day invite // BBC. 4 November 1998. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/1998/10/98/world_war_i/206760.stm (дата обращения: 17.05.2022).
13. Gesetz Nr. 16 der Alliierten Hohen Kommission über die Ausschaltung des Militarismus vom 16. Dezember 1949 // Amtsblatt der Alliierten Hohen Kommission. S. 72.
14. Gesetz über Titel, Orden und Ehrenzeichen vom 26. Juli 1957 // Bundesgesetzblatt. 1957. Teil 1. № 37. S. 844–846.

15. Gunkel Ch. Kohl und Mitterrand in Verdun. Geschichte zum Anfassen // Spiegel Geschichte. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/kohl-und-mitterrand-in-verdun-a-948491.html> (дата обращения: 17.05.2022).
16. Krantz H.-U. Orden und Ehrenzeichen der Bundesrepublik Deutschland. Köln : Maximilian-Verlag, 1958. 336 S.
17. Main-Post. 15. Februar 1962. № 39.
18. Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris : Seuil, 2004. 352 P.
19. Vorwärts. 1958. 19. September.

Memory of the First World War in the Federal Republic of Germany

N. N. Baranov

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Ural Federal University n. a. the First President of Russia
B. N. Yeltsin; Head of the Department of Modern and Modern History of the Department "Faculty of History",
Ural Humanitarian Institute. Russia, Yekaterinburg. E-mail: baranov61@mail.ru

Abstract. The problems of historical memory and the politics of memory, the formation and evolution of memorial culture have become relevant in the context of the "mnemonic turn" in historiography, which began in the 1980s and continues to the present. The events of the First World War and its consequences occupied a central place in the complex and conflicting political discourse of the Weimar Republic, served as an important element of the historical policy of the Third Reich. After 1945 the memory of the First World War was pushed to the periphery of public consciousness, preserved in the communicative practices and rituals of small groups. Veterans of that war had very little support from the state. However, as the formally equal positions of West Germany in the Euro-Atlantic community were restored, the appeal to the experience of 1914–1918 began to be actively used in the public policy of memory to overcome the trauma of the "brown thirteenth anniversary" in the context of unity and continuity of the common history of European countries and peoples with their common victims and tragedy. Naturally, this practice reached its greatest intensity in 2014–2018, when the centenary of the Great War was celebrated.

Keywords: Germany, World War I, historical memory, memorial tradition, historical politics.

References

1. Vinogradov K. B. *Fritz Fischer i ego trudy* [Fritz Fischer and his works] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and modern history. 1988. No. 4. Pp. 175–179.
2. *Zakon № 46 o likvidacii Prusskogo gosudarstva* – Law No. 46 on the liquidation of the Prussian State // *Vedomosti Kontrol'nogo soveta v Germanii* – Statements of the Control Council in Germany. March 31, 1947. No. 14.
3. *Osnovnoj zakon Federativnoj respubliki Germanii (23 maya 1949 g.)* – The Basic Law of the Federal Republic of Germany (May 23, 1949) // *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv : uchebnoe posobie* – Constitutions of foreign states : textbook / comp. V. V. Maklakov. M. BECK. 2002. Pp. 68–113.
4. Bundesarchiv Koblenz. B/106/15454.
5. Bundesarchiv Koblenz. B/136/30067.
6. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BH/1/16031.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73595.
8. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73700.
9. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/102174.
10. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/285340.
11. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/2/32380.
12. Germany declines armistice day invite // BBC. 4 November 1998. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/1998/10/98/world_war_i/206760.stm (date accessed: 17.05.2022).
13. Gesetz Nr. 16 der Alliierten Hohen Kommission über die Ausschaltung des Militarismus vom 16. Dezember 1949 // *Amtsblatt der Alliierten Hohen Kommission*. S. 72.
14. Gesetz über Titel, Orden und Ehrenzeichen vom 26. Juli 1957 // *Bundesgesetzblatt*. 1957. Teil 1. № 37. S. 844–846.
15. Gunkel Ch. Kohl und Mitterrand in Verdun. Geschichte zum Anfassen // Spiegel Geschichte. Available at: <https://www.spiegel.de/geschichte/kohl-und-mitterrand-in-verdun-a-948491.html> (date accessed: 17.05.2022).
16. Krantz H.-U. Orden und Ehrenzeichen der Bundesrepublik Deutschland. Köln : Maximilian-Verlag, 1958. 336 S.
17. Main-Post. 15. Februar 1962. № 39.
18. Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris : Seuil, 2004. 352 P.
19. Vorwärts. 1958. 19. September.